

ГЛАВА 1

Обычно они всегда приходили после полуночи — пришли после полуночи и на этот раз. В этом был свой резон. Ночь — лучшее время для злодейств. А они были злодеи. Народ называл их болотяныки. По местным поверьям, это была нежить, которая днем пряталась в болотах, а по ночам выходила из болот, чтобы пить людскую кровь. Так когда же им было приходиться, как не ночью? Все резонно, все логично...

Они подошли к дому, стоявшему особняком на небольшой возвышенности посреди болота. В этой местности почти все дома стояли особняком, вдалеке один от другого, и почти все они были впритык к болотам, а то и на самих болотах, заросших осокой, лозняком и ольхой. Посреди болот тут и там высились островки — где большие, где крохотные, — и на этих островках селились люди. Иной раз они селились и у края болот. Больше селиться было негде. На этих островках люди строили себе дома, здесь же теснились сараи и загоны со скотиной, здесь же ютились огороды, а если островки были большими, то на них помещались даже нивы с рожью, ячменем и гречихой.

По сути, каждый заселенный островок был самодостаточным хутором, хотя формально все обитаемые островки были объединены в общее поселение под названием Острова. А какое же еще

название можно было дать в этом случае? Название было по существу...

Таких хуторов в этом полесском краю было немало, а сам край имел еще одно название — уже не официальное, а народное, выстраданное, которое, если разобраться, всегда бывает точнее, правильнее официального, да и запоминается накрепко — так, что передается из поколения в поколение. Край назывался Заболотье. Да и как еще можно было его назвать, когда болота здесь были повсюду, они окружали эту обширную местность с трех сторон, и посреди самой местности они также расстились повсеместно, если не считать упомянутых островков? Только так — Заболотье, и никак иначе.

Правда, была еще и четвертая сторона, восточная, не такая болотистая, а, наоборот, поросшая березняком, осинником и сосняком, и она, эта четвертая сторона, соединяла Заболотье со всем остальным миром. В ту сторону вела даже грунтовая дорога, и если летом не было проливных дождей, а зимой ее не заносило снегом, то по ней без особых трудностей можно было добраться до ближнего села или даже до районного центра, а оттуда, в случае надобности, и куда-нибудь подалее.

Были, впрочем, дороги и в другие стороны, через болота. Хотя, конечно, в полном смысле их и нельзя было назвать дорогами. Какие уж там

дороги? Так, тайные тропы, где мощенные жердями, где и вовсе без жердей, но зато — с приметами, зная которые, можно было в случае крайней надобности перемещаться по таким тропам. Опасные это были пути, погибельные. Как говорится, лишний шаг влево, лишний шаг вправо, и... Но они были, они существовали испокон веку. И те, кто их знал, кто был знаком с приметами и указателями тех неверных дорог, случалось, ступали на них и уходили по ним в неведомые, почти погибельные болотные дебри. По тем же дорогам они приходили на Острова — если, конечно, не делали по нечаянности губительных шагов ни вправо, ни влево. А затем, если была нужда, возвращались по ним обратно в неведомую болотную полумглу...

...Итак, они пришли после полуночи. Из болот, по тайным тропам. Они скрывались в болотах, потому что где еще им было скрываться, коль они болотяныки? Болотная полумгла — самое подходящее место для таких людей. Они подошли к дому, стоявшему особняком на одном из болотных островков. Конечно же, они старались ступать тихо, не шуметь и вообще быть невидимыми. Все разбойники поступают именно так, когда хотят совершить злодейство. Но никто в этом мире не может не производить шума. Где-то хрустнет сухая ветка, где-то чавкнет под ногой болотная тряпина, ухнет болото, захлопает крыльями вспуг-

нутая птица, залает собака на хуторе... Пока этот мир жив, он всегда будет наполнен всяческими звуками, и ничего с этим поделать невозможно.

В доме обитали двое — муж и жена. Его звали Василем, ее — Горпиной. Они были молоды, поженились лишь полгода назад. Дом, в котором они поселились, достался им от прадеда Василия. Это был старый, но вполне еще крепкий дом, в нем можно было жить и надеяться на человеческое счастье. Время было за полночь, и потому Василий и Горпина уже спали.

— Кажется, кто-то идет... — испуганно подняв голову, сказала Горпина. — Какой-то шум... Василь, ты слышишь?

— Какой шум? — проснувшись, спросил Василь. — Никакого шума... Вроде все тихо...

— Ну как же! — все тем же испуганным голосом возразила Горпина. — Шум... Будто бы чьи-то шаги... Вот птица закричала и захлопала крыльями... Не иначе, спугнул кто-то птицу!

— Может, какой-нибудь зверь, — неуверенно предположил Василь. — Или ветер...

— А если это они?

— Кто они? — переспросил Василь, хотя и переспрашивать ему было не нужно, так как он знал ответ на вопрос супруги.

— Те, кто на болотах, — полушепотом пояснила Горпина. — Болотяныки. От Перемоги... Люди говорят, что они, которые от Перемоги, каждую

ночь приходят на какой-нибудь хутор. У кого-то забирают все харчи, а кого-то и убивают... Ты же слышал про Пилипчуков, которых убили позапрошлой ночью? Всех убили — даже детей. Даже старого деда Трохима... Сказали, что их послал Перемога. Убили, а дом и все хозяйство — сожгли.

— Так то — Пилипчуки, — неуверенно возразил Василь. — Петро Пилипчук — он ведь кем был? Он был секретарем в сельсовете. А нас-то за что убивать этому Перемоге? Мы сами по себе...

— Но ведь и тебе тот же Пилипчук предлагал работу! — в голосе Горпины послышалось отчаяние. — Заведовать пекарней в Березичах. Бросай, говорит, свой хутор и перебирайся в Березичи. Там и народу больше, и работа для тебя имеется...

— Так я ведь не сказал «да», — пожал плечами Василь. — Сказал, что подумаю...

— Думаешь, они будут разбираться, что ты сказал, а чего не сказал? — Горпина, казалось, вот-вот готова была разрыдаться. — Возьмут и убьют, как Пилипчука. И меня заодно. А дом — сожгут. Перемога — он человек страшный! Скольких он уже убил! Не он, так по его приказу! Разве мало люди говорят про этого Перемогу...

— Ну... — неопределенно произнес Василь, встал и приник к окошку, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в кромешной тьме за тусклым

стеклом. — Кажется, никого там нет. Да и тихо. Говорю же, зверь. Вот птица и испугалась.

— Какие такие звери могут ходить по нашим болотам? — печально спросила Горпина. — Разве только двуногие...

Василь хотел что-то сказать в ответ, но в это время во дворе залаяла собака. Причем не от собачьей скуки, а так, будто к дому подходит кто-то чужой. Очень скоро злобный собачий лай сменился отчаянным визгом, а затем и визг умолк. И тут же в дверь постучали. Стук был громким, уверенным. Так обычно стучат люди, пришедшие с недобрыми намерениями.

— Василь... — прошептала Горпина.

— Оденься! — коротко произнес Василь. Сам он также накинул на себя второпях какую-то одежду, которую нащупал в темноте, и подошел к двери: — Кто там? Что надо?

— А вот мы сейчас тебе объясним, кто мы и что нам надо! — ответил мужской голос по ту сторону двери. — Открывай, иначе выломаем дверь! Или — подожжем дом. Вместе с тобой. Как тебе больше нравится — с тобой или без тебя?

— Носят вас черти за полночь! — проворчал Василь и отпер дверь. Ну а что ему оставалось делать?

В темном проеме распахнутой двери возникли человеческие силуэты. Кажется, их было четыре.

Может быть, за их спинами таился еще кто-то, но в темноте разобрать было невозможно.

— Кто в доме? — спросил один из неизвестных.

— Я и жена, — ответил Василь.

— А кто-нибудь лишний имеется? — спросил человек.

— Имеется, — зло произнес Василий. — Вы вот объявились...

— Никак угрожаешь? — хмыкнул неизвестный. Хмыканье это, сдается, было вполне беззлобным, так что Василь даже слегка приободрился: авось на этот раз пронесет.

— Да уж какие тут угрозы? — уныло произнес Василь. — Говорю то, что есть.

— Мы — не лишние, — все тем же беззлобным голосом произнес человек. — Мы — долгожданные гости. В любом доме. На любом хуторе. Разве не так? Или, может, ты ждал кого-то другого? Например, москалей? Так ты так и скажи. И тогда нам сразу же все станет понятно...

— Никого я не ждал! — буркнул Василь. — Тем более москалей!

— А тогда принимай гостей! — велел все тот же голос. — Да зажги свет! А то ведь лоб себе расшибешь у вас в потемках!

— А не боитесь — при свете? — не удержался Василь от вопроса, который, по сути, и не был-то

нужен, так как неизвестно было, как к нему отнесутся незванные ночные пришельцы.

— А кого нам бояться? — голос из тьмы не рассердился, а, наоборот, даже рассмеялся от такого вопроса. — Тебя, что ли? Или, может, ты думаешь, что на свет огонька к тебе тотчас же сбегутся людишки из соседних хуторов? Кто это, мол, гостит в такое позднее время у Василя Гнатюка? Так ведь не сбегутся! Каждый сейчас сидит в своей хате, как те звери в норах! Хоть тебя убивай, а все равно никто не прибежит! Потому что — убивают не его, а тебя! У москалей есть такое слово — психология! Вот это она и есть! Ну так зажигай свет!

Тускло загорелась керосиновая лампа, и в ее свете Василь разглядел ночных гостей. Их было четверо, и все они были при оружии. Трое из них Василю были незнакомы, а вот четвертого он знал. Его звали Стась, и он был каким-то дальним родственником Василя. А родственника, хоть и дальнего, как не признаешь? Правда, видел его Василь уже давно, еще до войны, и вот теперь, когда война окончилась уже почти как три месяца назад, они встретились вновь. У Стася сызмальства было прозвище — Улыбка. И все из-за выражения его лица: казалось, он постоянно усмехается, причем усмешка эта была совсем не злой, а, наоборот, озорной и какой-то по-мальчишечьи беззаботной. А может, он и вправду все время усмехался — как

знать? Бывают такие люди, которые и вправду все время улыбаются. Добрые они или злые, весело им или грустно, болит что-нибудь у них или не болит, а они все равно улыбаются. Вот и Стась, наверно, был из таких.

— Вижу, признал родственничка? — улыбаясь, спросил Стась у Василя.

— Признал... — неохотно ответил Василь. — Только вот говорили, что ты в тюрьмах... И что тебя убили...

— Как видишь, я живой, — беззаботно ответил Стась. — И — на воле. Умный человек всегда выкрутится из беды! А я человек умный... Значит, говоришь, признал, что я это и вправду я, а не кто-то другой?

— Говорю же, признал! — ответил Василь. — Тебя да не признаешь. Одна твоя улыбка чего стоит.

— Что ж, тем лучше. Потому как и разговор у нас предстоит родственный. Так сказать, по душам. О, а это кто же такая? — все с той же улыбкой глянул Стась на Горпину. — Неужто жена? Ну, ты молодец, родственник! Вот ведь какую панночку себе отыскал среди этих болот, будь они прокляты! Одобряю! Даже, можно сказать, завидую!

Он подошел к Горпине совсем близко, с усмешкой осмотрел ее с головы до ног, а затем двумя пальцами тронул ее за подбородок.

— Не лапай! — мрачно произнес Василь и встал между Стасем и Горпиной.

— А то что? — прищурился Стась. — Неужто вцепишься мне в горло? А дотянешься? Ну-ну, не зыркай! Не стану я трогать твою панночку. И они, — он оглянулся на своих спутников, — тоже не станут. Если, конечно, мы с тобой по-родственному сговоримся. Ну а если не сговоримся, тогда — что ж... Как говорят москали, возможны последствия. Хорошие все-таки выражения встречаются у этих собак-москалей! Грамотные! Уважаю грамоту! Мне бы, по-хорошему, не комаров кормить в этих окаянных болотах, а нацепить на нос очки и сидеть где-нибудь в кабинете — вот такой я человек! Но ничего, может, когда-нибудь я и сяду в том кабинете. Когда победим. Как ты считаешь, родственник, скоро мы победим?

— Если без тебя, то нескоро, — мрачно ответил Василь. — А с тобой так прямо-таки послезавтра.

Стась, услышав такие слова от Василя, беззлобно рассмеялся. Улыбнулись даже трое молчаливых и мрачных его спутников.

— Я тоже так считаю, — смеясь, сказал Стась. — Со мной — это быстро. Так что скоро победим. А потому — давай-ка мы присядем вот на эту лавку и побеседуем.

— Нам что же, есть о чем беседовать? — все так же мрачно поинтересовался Василь.

— Ну, у умных людей всегда найдутся общие темы для разговора! — махнул рукой Стась. — Так вот, родственничек. Значит, говоришь, покойный Пилипчук уговаривал тебя перебраться в Березичи? Предлагал хорошую работу... Хлебную работенку прямо-таки во всех смыслах. Москалей нашим хлебушком кормить. Ну и себя с твоей панночкой заодно. Себя и ее — это, конечно, правильно: времена нынче голодные. А вот кормить москалей — это, наоборот, неправильно. За такое нехорошее дело рано или поздно придется отвечать. Вот, скажем, Пилипчук — он уже ответил...

— А ты откуда знаешь, что мне предлагал Пилипчук? — удивленно спросил Василь.

— Ну что за вопрос? — С губ Стася не сходила усмешка. — Знаю вот... Мы всё знаем. И даже чуть-чуть больше, чем всё. Не в этом дело. А в том, что когда мы об этом узнали, то у нас возник по поводу тебя спор. Образовалась проблема, как говорят москали. Одни из наших сказали, что тебя, а заодно и твою кралю нужно немедленно убить, а хутор — сжечь. Потому что разве это дело — кормить москалей нашим хлебушком? Правильный украинец, дорогой ты мой родственничек, так не поступает. Ну а коль он неправильный, как, скажем, тот же покойный Пилипчук — так о чем и говорить? Пиф-паф, и все дела...

Василь слушал эти слова молча, с каменным выражением лица. Горпина, наоборот, испуганно вскрикнула.

— Да-да, именно так, — покосившись на Горпину, сказал Стась. — А иначе как? Иначе никак. Москали — наши враги, и тот, кто их кормит хлебушком, тоже наш враг. А врагов мы убиваем.

Он помолчал, явно выдерживая психологическую паузу, а затем продолжил:

— И убили бы тебя! Точно — убили бы! Как того же Пилипчука и еще многих... Не случись тут я. Это какой же, спрашиваю, Василь Гнатюк? А такой-то и такой-то, отвечают мне. Э, говорю я, так он вроде мне дальний родственник! И что с того, отвечают мне? Родственник или не родственник, а коль проданся москалям, то награда одна! И это, говорят, даже не наши слова, а так говорит Перемога! А Перемога наш командир! Он наш отец! А, значит, напрасно не скажет. Так-то оно так, отвечаю, а только вы все равно погодите. Убить — это дело простое, это мы всегда успеем. А вот я прежде поговорю с ним по-родственному. Это о чем же, спрашивают меня мои братья-друзья? А вот о чем, отвечаю... И изложил им свой план. А что, говорят, это дело! Попробуй. А только если он не согласится, тогда, конечно, поступай так, как оно и полагается. И как велит наш командир Перемога. А еще, говорят они, жинка у того Василя Гнатюка очень пригожая! Так что прежде

чем их порешить... Ну, тут и без моих объяснений все понятно. И вот я здесь, и со мной — мои братья-товарищи. И все будет зависеть от нашего разговора.

— И о чем разговор? — после молчания спросил Василь.

— О твоей хлебной должности, — сказал Стась. — Той, которую предлагал тебе покойный Пилипчук.

— Так я же не согласился! — с отчаяньем в голосе произнес Василь. — Я сказал, что подумаю! Подумать — это не значит согласиться!

— А ты не думай, — спокойно сказал Стась. — Ты соглашайся.

— Это как же так? — не понял Василь.

— А вот так, — дурашливая ребячья улыбка не сходила с лица Стася. — Соглашайся, и все тут. Без промедления. Бери свою кралечку в охапку и беги с нею в Березичи. И начинай кормить москалей хлебушком. Да хорошо начинай, усердно! Так, чтобы они были рады-радехоньки и не захотели тебя оттуда выгнать!

— Это почему же так? — не мог понять Василь, чего от него хотят незваные гости.

— А потому, что ты нам еще понадобишься, — пояснил Стась. — Именно как заведующий пекарней.

— Что, красть хлеб и переправлять его вам? — спросил Василь.

— Красть — слово неправильное, — наставительно произнес Стась. — Это — наш хлебушек. Разве можно красть у самого себя? А в остальном ты прав. Нас — много, и нам нужен хлеб.

— Но ведь меня поймают! — тоскливо произнес Василь.

— Ну, когда это еще будет! — беспечно махнул рукой Стась. — А то, может, и вовсе не поймают. Если все будешь делать с умом. Да ты не опасайся, мы всему, что нужно, научим!

— Значит, снабжать вас хлебом... — в раздумье проговорил Василь.

— Им, родимым! — подтвердил Стась. — До поры до времени...

— Это как же? — глянул на него Василь.

— А вот это ты узнаешь в свое время! — Голос Стася стал отчетливым и жестким, хотя усмешка все так же не сходила с его лица. — Для начала тебе хватит и того, что я сказал. Ну, так как же, дорогой родственничек? Ты согласен помочь нашей борьбе за самостоятельную Украину?

— Мне надо подумать, — после молчания сказал Василь.

— Э, нет! — решительно произнес Стась. — Тут — никаких раздумий. Или «да», или «нет». Лучше, конечно, тебе сказать «да». Потому что если «нет»... — Стась встал со скамьи и вновь подошел к Горпине. — Нет, и вправду жинка

у тебя чудо как хороша! Какие плечи! А грудь! Ух! Да и жизнь у тебя, родственничек, как ни думай, а одна. Равно как и у твоей жинки. Так что не до размышлений.

— Черт вас принес! — в сердцах сказал Василь. — Жил себе и жил... Нате вам, приперлись!

— Так ведь — святая битва! — спокойно возразил Стась. — А ты хочешь остаться в стороне... Так нельзя! Сегодня долг каждого честного украинца... — он не договорил и в упор глянул на Василя: — Ну, так как?

— И что мне делать? — спросил Василь.

— Вот это уже похоже на слова честного украинца! — Улыбка Стася вновь стала дурашливой и ребячьей. — К чему сомнения и терзания, когда перед нами — святая цель? Ты спрашиваешь, что тебе делать? Перво-наперво — вот тебе бумажка и карандаш. — Стась полез за пазуху и вытащил оттуда клочок серой бумаги и огрызок карандаша. — Я буду диктовать, а ты пиши.

— Что писать? — не понял Василь.

— Пиши. Я, Василь Семенович Гнатюк, обязуюсь добровольно помогать украинской повстанческой армии в ее борьбе против москалей и коммунистов за самостоятельную Украину... Пиши, что ты на меня уставился? А ты думал как? Мы, конечно, поверим тебе на слово, но бумажка — она тоже имеет свою цену. Еще какую! Если ты будешь знать, что на свете существует такая бумажка, то,

я так думаю, к москалям ты не переметнешься. Потому что если ты побежишь к москалям, то мы им эту бумажку покажем!.. И знаешь, что они с тобой сделают, когда прочитают эту бумажку? С тобой, а заодно и с твоей жинкой? Вижу, догадываешься... Написал? Пиши дальше. В целях конспирации избираю себе прозвище... придумай сам какое-нибудь прозвище...

— Это еще зачем? — удивился Василь.

— Так полагается, — пояснил Стась. — У нас у всех прозвища. Мы-то и по именам друг друга не знаем, а только по прозвищам.

— И у тебя тоже есть прозвище? — спросил Василь.

— И у меня.

— Какое?

— Не твое дело. Ты думай над своим.

— Косарь, — после короткого размышления сказал Василь. — Люблю косить сено по болотам.

— Ну, пускай будет Косарь... Значит, пиши: в целях конспирации избираю себе прозвище Косарь. Написал? А теперь — поставь сегодняшнее число и год. Какое сегодня число?

— Уже первое августа, — припомнил Василь.

— Вот так и пиши: первое августа, тысяча девятьсот сорок пятого года. И поставь свою подпись. Все написал?

Стась взял исписанную бумажку, подошел ближе к лампе и стал ее внимательно читать.

— Вроде все правильно, — сказал он. — Молодец, родственничек. Теперь ты — наш человек. Значит, так. Завтра же перебираешься в Березичи. Послезавтра — устраиваешься на работу. Через неделю к тебе придет наш человек. Он передаст привет от Перемоги. Поступишь в его распоряжение. Он научит тебя, что и как делать. Все понял или есть вопросы?

— Вроде бы понял, — неохотно ответил Василь. — Вот только завтра перебраться в Березичи не смогу.

— Это почему же?

— Так ведь — хозяйство, — сказал Василь. — Пока упакую пожитки, пока то-се... Да и скотину надо перегнать в Березичи. А это дело хлопотное.

— Хозяйство, пожитки, скотина... Жадный ты, я гляжу, до всякого добра. А это плохо.

— Не всем же шастать по лесам да болотам, — не удержался Василь. — Надо кому-то и хлеб растить.

— И кормить им москалей... — презрительно и вместе с тем задумчиво произнес Стась. — Ладно, родственничек. Дискуссии отменяются, как любят выражаться москальи. Потому как мне некогда. У меня еще этой ночью дела... Даю тебе на все про все три дня. И на скотину, и на пожитки... Но чтобы через три дня ты уже был в Березичах! Понятно тебе? И смотри у меня! Ох, Василь

Гнатюк, смотри же! Помни, что твоя жизнь в моих руках! И твоей кралечки-жинки — тоже.

— Я запомню... — глядя в стену, произнес Василь.

— Хотелось бы... Ну, братья, пойдем отсюда. Делать нам здесь больше нечего, потому как мой родственник Василь Гнатюк — отныне наш человек. Да, и не Василь Гнатюк он отныне, а Косарь. Так и запомните.

Один из спутников вполголоса сказал Стасю несколько слов.

— И харчей мы у них отбирать тоже не будем! — решительно произнес Стась. — Свои у своих хлебушек не отнимают. Разживемся в другом месте. У чужих... Да, родственничек, а собачку мы твою того... Пришибли колом. А то что же она гавкает? Нам лишний шум ни к чему. Так что ты уж извини — за собачку...

* * *

Когда шаги Стася и его спутников затихли в темноте, Василь выдохнул, в изнеможении опустился на скамью и долго сидел, неподвижно глядя в стену. Керосиновая лампа чадила, мигала и трещала, но Василь лишь коротко и бездумно поглядывал на нее, а затем опять упорно начинал смотреть в стену. У него просто не было сил, чтобы встать и поправить лампу.

Горпина понимала его состояние и не мешала Василию ни действием, ни словом. Хотя и, в отличие от мужа, она сейчас была как-то по-особенному беспокойна и деятельна. Ей мучительно хотелось что-то делать, двигаться, куда-то идти — невзирая на то что сейчас была темная ночь, впрочем, и идти-то было некуда. Чтобы хоть как-то унять распиравшую ее нездоровую, необъяснимую энергию, она вышла во двор, в темноте наткнулась на неподвижно лежащую собаку, вздрогнула, вернулась в дом, заперла дверь, прислонилась к холодной печи и закрыла глаза.

— Ушли, — наконец сказал Василь.

— Да, ушли, — отозвалась Горпина. — Но они вернуться.

— Если мы не уедем в Березичи, то вернутся, — согласился Василь.

— Ты хочешь ехать в Березичи?

— А разве у нас есть выбор?

— Но...

— Разве они оставили нам выбор? — повторил Василь.

Горпина ничего не ответила, лишь вздохнула.

— Вот видишь, — сказал Василь. — Нет у нас выбора... — Он помолчал и добавил: — Пускай бы они меня убили. Мне не страшно. Я боялся за тебя. Этот Стась... Он будет убивать и улыбаться. Улыбаться и убивать... Люди, которые убивают

и улыбаются — это не люди. Это нелюди. Нелюдей надо бояться. Потому я и боялся. За тебя.

— Но, может, он и не улыбается, — не согласилась Горпина. — А просто у него такое лицо...

— Да, лицо... к которому намертво приросла усмешка. Я в детстве видел похожую картинку. Мне ее показывала бабушка. Я спросил: «Бабушка, почему он все время улыбается? Кто это?» — «Это — нежить», — сказала мне бабушка. «Почему», — спросил я? «Потому что человек не может всегда улыбаться, — сказала мне бабушка. — Человек хоть иногда должен плакать».

— И что же мы будем делать? — спросила Горпина.

— Дождемся утра, похороним собаку, погрузим барахло в бричку, привяжем к бричке нашу корову, запряжем в бричку нашего Сивка, да и поедем в Березичи. Что же еще?

— А наши гуси и куры?

— Вернусь из Березичей и заберу курей и гусей. В одну бричку всего не поместишь. Придется делать две ходки. Ничего, тут не так и далеко.

Они замолчали. Поздняя предрассветная ночь смотрела в оба оконца их домика — того самого домика, который они скоро должны были покинуть. Где-то вдалеке на болотах кто-то тяжело и надсадно ухал. Люди говаривали, что это водяной: ему полагалось ухать по ночам, чтобы пугать тех, кто не спит в такой поздний час. Кто знает,

может, это и вправду был водяной? Где же еще ему водиться, как не на полесских болотах? Гиблые это были болота, бескрайние и бездонные — как раз самое подходящее жилище для водяного.

* * *

Покинув хутор, на котором проживали Василь и Горпина, Стась и его три спутника отправились на соседний островок. Там тоже располагался хутор, и он, этот хутор, как раз и был их целью. На хуторе вместе с женой, двумя детьми и стариками-родителями проживал Евгений Снигур, командир отряда «ястребков». Так в здешних краях называли добровольцев, которые вызвались бороться с лесными бандитами.

Быть командиром «ястребков» и жить на отдаленном хуторе, да еще с женой, малыши детьми и стариками-родителями было делом опасным. «Ястребков» бандиты ненавидели лютой ненавистью, впрочем, и сами «ястребки» платили бандитам тем же самым. Это была борьба, в которой никто никого не щадил — ни «ястребки» бандитов, ни бандиты «ястребков». Но одно дело — сражаться, когда ты — один и потому рискуешь только своей собственной жизнью, и совсем другое дело — когда у тебя на руках и стар, и мал, и жена рядом. Поэтому-то Елена, жена Евгения, уж как только не отговаривала мужа от его за-

теи идти в «ястребки», да еще и быть их командиром!

Но от всех жениных уговоров и причитаний Евгений лишь отмахивался: мол, кто же даст отпор бандитам, если не мы сами? Советские солдаты? Ну так они далеко. Местное отделение милиции? Ну так их там всего пятеро. Значит — мы сами, больше никому. Да и потом — надоело бояться! Что это за жизнь, когда боишься каждого стука в дверь и каждого шага за спиной? Да и бандитского главаря Перемогу следует наконец изловить и предать суду, а то ишь, какой неуловимый! Вроде бы он и есть — вот, его именем даже пугают малых детей, — а вроде бы его и нет. Потому что никто его не видел, а только о Перемоге слышал. Хотелось бы наконец увидеть, на что он похож, этот самый Перемога! А с хутора мы обязательно съедем. Вот отыщем подходящий домик в Березичах — и сразу же съедем! Не завтра, так послезавтра. А уж через неделю — так в обязательном порядке! А пока что и беспокоиться не о чем. Пускай только кто-нибудь сунется на наш хутор! Видите, у меня автомат? А еще целых шесть штук гранат! Вот такой был ответ Евгения на причитания жены, да и на уговоры стариков-родителей тоже.

Вот к нему-то, к командиру «ястребков» Евгению Снигуру, и направлялись сейчас четверо националистов во главе со Стасем. И еще четверо поджидали их невдалеке от хутора, укрывшись

в ольшанике. Евгений Снигур слыл человеком бесстрашным и отчаянным, да к тому же он был при оружии, так что вчетвером бандиты с ним, наверное, и не справились бы. А восемь человек — это уже сила.

Четверо ожидавших бесшумно вынырнули из тьмы, как только Стась и его спутники подошли к кустарнику.

— Улыбка, это ты? — спросил вполголоса кто-то.

— Черт с рогами, а не я! — раздраженно ответил Стась. — Сколько раз вам говорить — не высовывайтесь все сразу! А если бы это был не я с братьями, а «ястребки»? Или, скажем, солдаты? Что тогда?

— Да откуда им тут взяться в такой час! — хмыкнул кто-то. — Дрыхнут сейчас и «ястребки», и солдаты! А мы — вот они!

— Ох, Куш, доведешь ты когда-нибудь меня до греха! — прошипел Стась. — С тебя, дурака, пользы мало, зато вреда — полная телега с верхом! Тебя проще утопить в болоте, чем что-нибудь тебе объяснить!

— Эге! — самодовольно отозвался Куш. — А вот сейчас мы придем на место, и тогда ты увидишь, какая от меня польза!

— Все, цыть! — отозвался Стась. — И — пошли, пока не начало светать! Действуем по плану!

Оконца в доме, где проживал Евген Снигур с семьей, не светились. Там, наверно, все спали. Стараясь ступать бесшумно, бандиты прошли по настилу из жердей, который соединял островок с другими островками. Иной раз кто-то из них оступался и попадал одной ногой в болото — ведь было темно. Без того чтобы не оступиться, по болотам невозможно пройти даже днем, не говоря уже о ночи. На каждый опрометчивый и неверный шаг болото отвечает отчетливым квакающим звуком. Этот звук обычно довольно-таки громкий, и потому его слышно издалека. Особенно — ночью, когда никакие другие звуки не могут его заглушить, потому что по ночам всяких посторонних звуков мало. Ночи в полесских болотах тихие.

Поэтому, когда кто-то из бандитов оступался, все другие тотчас же замирали и вслушивались в темноту — не раздастся ли со стороны недалекого хутора какой-нибудь ответный звук. Любой звук со стороны хутора — это было плохим знаком для бандитов. Это означало, что на хуторе услышали кваканье болотной трясины, определили, из-за чего болото квакает, пробудились и приготовились к обороне. И попробуй с ними справишься, даже если вас восемь человек! Они-то, на хуторе, у себя дома, а значит, им известны все ходы, выходы, переходы и укрытия, а ты здесь — пришлый, и ничего этого ты не знаешь. Да плюс к тому мешает видеть густая предрассветная темень. А по-

тому того и гляди попадешь сдуру под автоматную очередь. Не любили бандиты иметь дело с теми, кто давал им отпор. Куда как проще, безопаснее и приятнее ворваться в дом, когда в нем все спят. Тут уж ты — полноправный хозяин и вершитель судеб.

Но как ни вслушивались и ни всматривались бандиты в темень, на хуторе все было тихо. Ни голосов, ни шорохов, ни огонька. Крепко, должно быть, спал Евген Снигур и прочие обитатели хутора...

Выбравшись наконец на сушу, бандиты бесшумным кольцом окружили единственный на островке дом. Рядом с домом темнели еще и всякие хозяйственные постройки, но на них бандиты особого внимания не обращали. Дом — вот что было для них главным. Потому что именно в доме должны были сейчас находиться и сам Евген Снигур, и все его семейство, над которым бандиты должны были учинить расправу. То есть — убить всех, а не только Евгена Снигура. Таков был приказ. Так приказал Перемога. А, значит, так тому и быть, потому что не выполнить приказ Перемоги было делом немислимым. Тот, кто приказ не выполнил, сам себе подписывал смертный приговор, и приговор этот всегда исполнялся быстро и неминуемо. Перемогу не интересовали причины, из-за которых приказ не выполнялся. Перемогу интересовал лишь результат.

Пятеро бандитов расположились у окон дома, а трое — Стась, Лут и еще один, которого все звали Гусак, бесшумно приблизились к двери. И дружно ударили ногами в дверь. Расчет был на внезапность: вот от мощных ударов дверь откроется, и бандиты тотчас же ворвутся в дом. А там будет видно... Вернее сказать, там все будет понятно и просто. Человек, застигнутый врасплох, да еще и спросонья, обычно не сопротивляется. Даже если этот человек — Евгений Снигур. Ну а если на дверях слишком крепкие запоры и она выдержит удар сразу тремя ногами, тоже не беда. Есть еще окна. А уж их-то можно вышибить одним ударом приклада...

Видать, на двери были не очень крепкие запоры, потому что она поддалась после первых же трех ударов. Да и не просто отворилась, а даже соскочила с петель. Трое бандитов ворвались в дом. Тотчас же зазвенели стекла и затрещали рамы — это другие бандиты высаживали прикладами окна, и через оконные проемы также вваливались в дом. Не все, впрочем, а лишь трое из них. Еще двое остались на всякий случай на улице. А то вдруг кому-нибудь из жильцов каким-то непостижимым образом все же удастся покинуть дом! Ну так беглец далеко не уйдет... Вот это и был тот самый план, о котором упоминал Стась. Все просто и беспощадно. Смерть — она всегда проста и беспощадна...

В доме было всего две комнаты — об этом бандиты знали. Оказавшись в доме, двое из них тотчас же ринулись во вторую комнату, а трое — остались в первой комнате.

— Всем лежать! — заорал Стась. — Никому не двигаться! Убьем! Свет! Где лампа? Лут, зажги свет!

Керосиновую лампу в полесской хате найти несложно — она всегда висит либо на стене, либо под потолком. В этой хате она висела на стене. Она даже не была полностью потушена — в ней тлел едва заметный синий огонек. Это было логично и понятно — в доме ночевали дети и старики. А они порой просыпаются по нескольку раз за ночь. И чтобы каждый раз не зажигать лампу заново, в ней оставляют на ночь гореть тоненький, едва заметный огонек.

Лут нащупал лампу, хмыкнул и добавил света. На постели была только женщина и двое детей. Забившись в угол, они испуганно смотрели на ворвавшихся в их дом людей. Стась стремительно огляделся — в комнате больше никого не было.

— Что в другой половине? — крикнул он.

— Здесь только дед с бабой, и больше никого! — ответили из другой комнаты.

— Где муж? — улыбаясь, спросил Стась у женщины, и эта его улыбка выглядела в полутьме особенно зловеще, будто бы Стась и вправду

был не человеком, а некой ночной нежитью. — Я у тебя спрашиваю, красотуля! Где твой муж?

— А нет его! — дрожащим голосом ответила женщина. — В Березичах он... Там, наверно, и заночевал. Ага...

— А, сто чертей в печенку! — выругался Стась и стал лихорадочно размышлять. По всему выходило, что Евгена и впрямь нет сейчас дома. Потому что если бы он был — уж он бы дал о себе знать. Как-никак его семье угрожала опасность, а Евгений — человек отчаянный и бесстрашный. И потому если он не дает о себе знать, то, стало быть, его и вправду нет сейчас дома.

— Когда будет? — отрывисто спросил Стась у женщины.

— Не знаю... — прижимая к себе детей, ответила женщина. — Должен был уже вернуться, но почему-то не вернулся.

— Вот зараза! — еще раз выругался Стась.

Коль женщина не соврала, то по всему выходило, что расправиться с Евгеном Снигуром на этот раз у бандитов не получится. Не ждать же его целый день до самого вечера! Любой хутор — место заметное, тут особо не укроешься. Обязательно кто-нибудь заметит и донесет! А донесет — тотчас же придут «ястребки» или милиция. Да если даже и не заметит, толку от этого все равно немного. Не заметят Стася и других бандитов, так обязательно обратят внимание на то, что вот-де,

уже и день в разгаре, а на хуторе Евгена Снигура никто из людей не показывается, лишь голодная скотина надрывается криком... А, значит, там что-то случилось. Никто, конечно, на хутор в разведку не побежит — побоятся, но вот донести — донесут обязательно.

А из этого всего следовало лишь одно — из хутора надо уходить. Причем как можно скорее, пока не занялся рассвет. Но, конечно же, уходить не просто так, а с последствиями. И притом это должны быть такие последствия, чтобы Евгена Снигура скрутило от них буквально-таки в бараний рог! Чтобы он от этих последствий не мог ни вздохнуть, ни выдохнуть, чтобы он так и оставался всю свою жизнь — сколько там еще ему отмерено, — так и маялся, скрученный от горя, от которого нет и не может быть избавления! И это, пожалуй, будет даже лучше, чем смерть самого Евгена Снигура! Мертвому-то что? Ему на этом свете уже ничего не надо! А вот когда ты живой... Вот и поживи, и помучься от невыносимого горя и от мысли, что уже ничего нельзя поправить! Это, пожалуй, будет пострашнее смерти.

— Так... — произнес Стась и с усмешкой посмотрел на женщину с детьми.

И было в этой усмешке нечто такое, что женщина мгновенно поняла, что сейчас произойдет. А поняв, она широко раскрыла глаза и еще крепче прижала к себе детей.

— Люди добрые!.. — прошептала она. — Не убивайте! Пощадите детей! И меня пощадите! В чем я перед вами виновата? В чем виноваты мои детки?

— А не надо было твоему мужу записываться в «ястребки»! — спокойным, почти безразличным тоном произнес Стась. — Да еще командиром!

— Так это ж он... — едва слышно прошептала женщина. — Это ж не дети...

— Вставай, — прежним тоном проговорил Стась. — И дети — тоже... Лут, помоги. И выводи их во двор.

Лут молча оскалился, подошел к постели и сорвал с женщины и детей рогожу, которой они укрывались. Женщина не хотела вставать: может, у нее не было на это сил, а может, она надеялась, что вот так, сидя в постели и прижимая к себе детей, она тем самым сохранит жизнь и себе, и детям. Лут схватил женщину за плечо и буквально вышвырнул ее с постели. Женщина упала на пол, Лут ее подхватил и поволок к выходу. Дети заголосили. Стась кивнул Гусаку, тот ухватил детей за рубашонки и, как щенят, также поволок их во двор. В это же самое время из другой комнаты Лут вывел старика и старуху.

Сжигать в доме женщину, детей и стариков Стась не хотел. Ему хотелось, чтобы их тела лежали на фоне пепелища, которое останется от хутора. Так будет поучительнее: и для самого Евгена

Снигура, и для всех прочих, кто еще раздумывает над тем, податься ли в «ястребки» или каким-то другим способом помочь советской власти. Так будет страшнее...

ГЛАВА 2

Конечно же, жители соседних хуторов слышали выстрелы на хуторе, где жил Евгений Снигур с семьей, и тем более видели пламя, взметнувшееся к предрассветному небу почти сразу же вслед за выстрелами. Вывод здесь мог быть лишь один — ночью на хутор пришли болотяники. Никто из соседей, понятное дело, не побежал на помощь семье Снигуров, потому что — чем тут поможешь? И не поможешь, и сам угодишь под шальную бандитскую пулю.

Но как только миновала ночь, в Березичах, где находилась и милиция, и штаб «ястребков», и все прочие органы местной власти, все тотчас же узнали о случившейся ночью на хуторе беде. Мигом были подняты по тревоге все представители власти, да и простого народа на главной сельской площади собралось немало. Народ гомонил, шелестел, тревожно переговаривался, женщины причитали... «Снигур... Снигур... Снигур...» — только и слышно было в толпе.

Сам Евгений Снигур прибыл чуть позже остальных. Люди, как только его увидели, тотчас умолк-

ли, но Евгений не обратил на это зловещее молчание никакого внимания. Стремительно поднявшись на крыльцо, он вбежал в помещение сельсовета. Здесь уже находился и местный участковый Павло Онысько, и все пятеро его подчиненных-милиционеров, и добрый десяток «ястребков», и председатель сельсовета Михайло Хижняк, и еще кто-то... Все шумели и галдели, кто-то кому-то что-то доказывал, кто-то с кем-то не соглашался... В общем, все вели себя так, как оно и бывает в случаях, когда страшная беда застала тебя врасплох. Но как только Евгений появился в помещении, все разом умолкло и стали смотреть на Евгения. В этих взглядах было что-то такое, что мигом заставило Евгения побледнеть.

— Что? — хриплым голосом спросил он. — Что случилось? Что это вы все на меня уставились?

Первым опомнился участковый уполномоченный Павло Онысько. Страшно кривя лицо и стараясь не смотреть Евгению в глаза, он подошел к нему и сказал:

— Так ты, оказывается... тебя, значит, не было ночью на хуторе?

— Я ночевал в Березичах, — ответил Евгений. — А что такое?

— Сегодня ночью... У тебя на хуторе...

— Что?! — повторил Евгений вопрос и не слышал своего голоса. — Что — у меня на хуторе?!

— Сожгли хутор, — глядя куда-то в сторону, сказал участковый. — И еще — стреляли. Так говорят люди. А большего я пока не знаю. Вот сейчас поедem туда и все узнаем...

Слова, сказанные участковым, были предельно просты, но их смысл, казалось, все равно не доходил до Евгена. Лишь лицо его еще больше побледнело, да рука сама собою потянулась к автомату, висевшему у него за спиной. Павло Онысько молча положил руку Евгену на плечо и, преодолев себя, глянул ему в глаза.

— Сейчас поедem... — сказал он. — И все раз-узнаем на месте. Может быть... — он не договорил и отвернулся. — Тебе тоже надо ехать. Сам понимаешь...

— Понимаю, — отозвался Евген, на лице которого застыло выражение боли и страдания.

Выехали скоро, буквально через несколько минут, на трех подводах, запряженных лошадьми. Никакого другого транспорта у здешней советской власти не было. Ехали недолго, не больше получаса. Подъехали к болотам и остановились. Дальше предстояло идти пешком по жердяным настилам и прыгая с кочки на кочку. Но вначале все приехавшие быстро рассредоточились, укрылись за деревьями, за телегами и в ямах и осмотрелись. Такие их действия были логичны и понятны. Бандиты знали, что ранним утром к хутору, где случилась трагедия, подъедут представители

советской власти. А это очень удобный момент, чтобы у самого края болот устроить засаду. Бывали такие случаи.

Но на этот раз, похоже, никакой засады не было. Милиционеры и «ястребки» подождали, повертели головами, прислушались, затем осторожно начали покидать свои укрытия и, перебегая от дерева к дереву, обследовать местность. Похоже было, что на этот раз бандиты никакой засады у болот не устроили.

— Два милиционера и пятеро «ястребков» — в головной дозор! — скомандовал Павло Онисько. — Три милиционера и еще пятеро «ястребков» — замыкающие! Да не забывайте смотреть по сторонам и под ноги! А то вдруг они оставили «жабу»...

«Жабами» назывались мины, которые бандиты любили расставлять по дорогам и тропинкам. А еще — обычные гранаты с проволочкой, привязанной к чеке. Наступишь на такую мину или заденешь ногой проволочку — и тут же последует взрыв. Случалось, что на «жабах» подрывались и люди, и скотина. Всякое бывало в здешних местах.

Но на этот раз никаких «жаб» бандиты после себя не оставили. Да оно и понятно: время было ночное, а уходили они второпях, чтобы их не застал рассвет — тут уж не до мин.

Путь к хутору, где ночью совершилось злодейство, проходил мимо другого хутора,

на котором жили Василь и Горпина. Расстояние между двумя островками было недалеким, и Василь с Горпиной, конечно же, слышали выстрелы и видели зарево на соседнем островке. И они прекрасно понимали, что это за выстрелы и что горит у их соседей. Но что они могли поделать, даже если бы и хотели помочь?

Но им было не до соседских трагедий. Они торопились похоронить убитую собаку — видимое доказательство того, что на их хуторе ночью также побывали болотяныки. Закопать собаку для них было очень важным делом. А то вдруг кто-нибудь — милиционеры или «ястребки» — обратят на собачий труп внимание и начнут расспрашивать: а почему, а что, а как? И прознают в итоге, что и на их хуторе также побывали бандиты те самые, которые расправились с семьей Евгена Снигура и сожгли соседний хутор. А прознав, разузнают также и о ночномговоре между Василем и Стасем. А уж этого, по мнению Василя и Горпины, никак нельзя было допустить. Потому что из-за этого говора их ждала неременная для них беда, причем хоть от одной, хоть от другой стороны. Между двумя огнями оказались Василь и Горпина, а потому — лучше уж спозаранку похоронить убитую собаку. Нет убитой собаки — нет никаких доказательств пребывания на хуторе бандитов.

Но, конечно же, они видели, как по узким жердяным настилам мимо них в сторону сгоревшего хутора проходят люди. Много людей: и милиционеры, и «ястребки», и еще кто-то... Даже, кажется, сам хозяин хутора — Евгений Снигур. Оказывается, его-то ночью и не убили.

— Будьте на месте! — мимоходом окликнул Василя и Горпину участковый Павло Онысько. — Позже я к вам заскочу. Побеседуем...

— Ага, ага! — закивали Василь и Горпина.

* * *

На островке было уже немало людей — обитателей соседних хуторов. Люди стояли молча, почти не шевелясь и стараясь не смотреть друг на друга. Увидев приближающихся милиционеров и «ястребков», народ зашевелился и стал расступаться. А когда появился Евгений Снигур, люди как один горестно охнули и расступились еще шире. И очень скоро посреди расступившейся толпы образовалось свободное пространство, внутри которого тесным рядком лежали пятеро мертвых: женщина, двое малых детей и старик со старухой. В общем — вся семья Евгения Снигура.

— Евгений, — сказал участковый Павло Онысько, глядя на Евгения и судорожно кривя лицо. — Ты того, Евгений...

И больше он ничего не сказал, да и что тут можно было сказать? Здесь все слова были лишни-

ми. Здесь, на этом страшном, разоренном островке, лишним сейчас было все — потому что ничего уже нельзя было поправить. Смерть всегда непоправима. А коль так, то к чему слова? Да и как их выговорить, даже если бы они и нашлись — какие-то необычайные, мудрые слова, которые могли бы все вернуть вспять, восстановить из пепла хутор, оживить убитых? Но нет в этом мире таких слов, да и быть их не может...

Евген Снигур внешне никак не проявил своего отчаянья и горя. Он просто стоял посреди пустого пространства и молча смотрел на пять выложенных в ряд тел. А уж что творилось в его душе — кто это может знать? Может статься, не знал сейчас этого и сам осиротевший Евген. Чтобы понять, что у него происходит в душе — нужны силы. Ох, какие же для этого нужны силы! А где их взять, те силы, именно сейчас, в этот страшный момент? Наверно, для этого нужно время. Или, может, чья-нибудь посторонняя помощь кого-то незримого, любящего и могущественного? Как знать...

Участковый Павло Онысько пришел в себя быстрее других. Он надел фуражку, осмотрелся по сторонам и увидел прищипленную на росшей неподалеку ольхе серую бумажку — совсем небольшую, не больше тетрадного листка. Спотыкаясь о головешки, он подошел к дереву и снял бумажку. На ней были написаны карандашом какие-то слова. Буквы были мелкие, неразборчивые

и плясали из стороны в сторону. Онысько долго шевелил губами, силясь понять смысл написанного, а когда понял, то поднял голову и посмотрел на молчащих людей — на всех разом.

— Вот, — сказал он, — бумажка, оставленная бандитами... Со словами... Хотите, я их вам прочту? Я их все равно вам прочту, даже если вы того и не хотите. Чтоб вы все знали... Вот что в ней написано: «Эти люди казнены как враги украинского народа. Так будет со всеми предателями Украины. Перемога». Вот что написано в этой бумажке... — Онысько опустил руку с зажатой в ней бумажкой, и лицо его вновь судорожно покривилось. Какое-то время он молчал, а затем ровным, глухим голосом спросил, конкретно ни к кому не обращаясь: — Это кто же враги украинского народа? Это кто же предатели Украины? Эти малые дети? Эта женщина? Эти дед с бабой? Кто? Кого они предали? Какую Украину? Вы мне скажите... Ну что вы все молчите и молчите? Почему вы молчите? Будто вы все немые!

Он с отчаяньем махнул рукой. Бумажка выпала из его руки, но Онысько быстро пришел в себя и тут же поднял ее и положил себе в карман, потому что это была не просто бумажка, а вещественное доказательство. А вещественные доказательства надо беречь, они никогда не бывают лишними.

Подняв бумажку, участковый окончательно пришел в себя. Он подозвал к себе милиционеров, «ястребков» и мужиков из окрестных хуторов и стал давать распоряжения. Работы предстояло много. Во-первых, нужно было осмотреть, а затем прибрать всех пятерых покойников. Во-вторых, тщательно осмотреть пепелище — вдруг бандиты нечаянно обронили еще какое-то вещественное доказательство? Нужно также обойти все окрестные хутора и узнать у людей, что они видели и слышали минувшей ночью. Хотя — для чего их и обходить, когда обитатели всех этих хуторов — вот они, топчутся рядом? Значит, нужно побеседовать с каждым из них — вдумчиво, осторожно, по-умному. Может, что-нибудь и скажут. Для этого, конечно, нужно отдельное помещение, да только где же его взять, когда все — сгорело? А, нет, не все. Вот в отдалении — сарайчик. Его огонь не тронул, может, именно потому, что сарайчик стоял в отдалении. Значит, в нем и будет происходить беседа. А беседовать с народом Онисько будет самолично. С каждым. Хоть до самой поздней ночи. А по окрестным хуторам все-таки надо пробежаться. Мало ли что. Не весь же народ столпился на этом островке, кто-то остался и при хозяйстве. К тому же бандиты могли и не уйти в болота, а затаиться на каком-нибудь хуторе. Все могло быть. Вот пускай «ястребки» и пробегутся по окрестным хуторам. А милиционеры пускай

остаются на этом, сторевшем хуторе. Работы хватит для всех. Когда беда — работы всегда много.

— Значит, так! — обратился Онысько к народу. — Коль уж вы пришли на этот хутор, то никуда не расходитесь, потому что со всеми вами я хочу побеседовать. Понятно вам?

Народ зашелестел и загудел — стало быть, слова участкового людям были понятны.

— А чтоб было еще понятнее, скажу еще раз, — предупредил Онысько. — С хутора без моего позволения — ни шагу! Всякий, кто попытается уйти, будет считаться пособником извергов, которые прячутся в болотах... Все уяснили?

Сказал такие слова Павло Онысько совсем не зря. Он прекрасно осознавал, что некоторые из тех, кто сейчас на хуторе — соглядатаи и осведомители бандитов. Кто именно, этого участковый, конечно, не знал, но то, что они здесь присутствовали, и это был не один человек, а несколько — все это для участкового было очевидным фактом. У бандитов должны быть повсеместно свои глаза и уши — вот они, эти уши и глаза, здесь и присутствовали. Потому что бандитам очень важно знать, как и в какую сторону движется расследование. Участковый даже не сердился на этих неведомых ему соглядатаев и доносчиков. Он понимал, что большинство людей согласились на это из страха за свою жизнь и жизни своих близких. Попробуй не со-

гласись — так и с тобой, и с твоим хутором будет то же самое, что вот с этим хутором, на котором сейчас присутствует и сам Онысько, и окрестные хуторяне. Сожгут, убьют... Тут уж сердись не сердись...

Да и, по большому счету, сердиться Онысько должен был в первую очередь на себя самого. Именно так, потому что это именно он, Павло Онысько, не может совладать с бандитами. Хотя по долгу службы и обязан. Но долг долгом, а возможности — возможностями. Попробуй-ка вылови всю эту нежить, которая прячется в болотах, когда у тебя — всего пятеро милиционеров и два десятка «ястребков»! Заболотье — край обширный. Да и прятаться легче, чем искать. А тут еще — этот Перемога. Кто он такой, где его искать? Ничего о нем не известно, ровным счетом ничего! Ни единой мысли, ни одной зацепки! Но зато после каждого душегубства, после каждого сожженного хутора на месте остается бумажка, в которой написано: «Перемога. Перемога. Перемога»... Боятся люди этого Перемогу, да что там — одного этого слова боятся! Вот, говорят, матери пугают даже малых детей этим словом... А напасть на след Перемоги Онысько, как ни старается, пока не может. Так что — на кого ему сердиться, кроме как на самого себя?

— ...И еще, — сказал участковый. — Сейчас мы осмотрим тела, а потом бабы пускай их как

положено приберут, а мужики отнесут их к телегам, что у края болот. Желаящие имеются или мне их назначить самому?

Последних слов Онысько мог бы и не говорить. Потому что желающие, конечно же, имелись. Уж так было заведено в этих краях, что любого покойника всем миром и прибирали, и оплакивали, и хоронили. Даже того, который умер своей собственной смертью. А тут такой страшный случай... Конечно же, и приберут, и отнесут к телегам, и уложат на телеги, и в нужное время похоронят, и оплакивать будут не меньше недели. Все, как и полагается. Но Онысько был властью, потому он и сказал такие слова.

— Ты как? — подошел Онысько к Евгению Снигуру.

— Что? — очнулся Евгений и посмотрел на участкового так, будто увидел его первый раз в жизни.

— Я говорю — что ты сейчас собираешься делать? — пояснил участковый.

— А ты? — глухо спросил Евгений.

— Я хотел осмотреть тела... — он замялся. — Ну, в общем, их осмотреть. Сам понимаешь — надо для следствия.

— Не надо — тебе, — ровным голосом произнес Евгений. — Я сам...

— Но...

— Это мои дети, — все тем же голосом сказал Евгений. — И — моя жена. И мой отец с матерью...

— Я понимаю, — осторожно вымолвил Павло Онысько. — Но все-таки...

— Я сам, — повторил Евгений и усмехнулся деревянной усмешкой. — Не бойся, я ничего от тебя не утаю. Как есть, так обо всем и доложу...

— Хорошо, — сказал участковый. — Пускай будет так. Но, может, ты хотя бы отдашь мне свой автомат?

На это Евгений ничего не ответил, лишь с мрачным видом качнул головой и опустил на колени перед родными телами, чтобы их осмотреть в интересах следствия.

— Не толпитесь! — прикрикнул на людей участковый. — Что вы здесь не видели? Гулянка вам тут, что ли? Всем отойти подальше! А вы что рты раззявили? — эти слова относились к пятерым милиционерам. — Отодвиньте людей! И никого не подпускайте, пока я не скажу!

Конечно, больше всего участкового сейчас беспокоил Евгений Снигур. Даже не то чтобы беспокоил — это слово было неправильным. А просто никогда раньше Павло Онысько не сталкивался с такими случаями. И потому он понятия не имел, как поведет себя Евгений в ближайшую же секунду. А коль так, то он, Онысько, должен быть поблизости от Евгения — до тех пор, пока Евгений не осмотрит родные ему тела. А вот когда он их осмотрит и тела приберут, тогда-то участковый и приступит к опросу хуторян.

Стоял Евгений перед родными телами на коленях совсем недолго. Затем он поднялся и подошел к участковому.

— Из автоматов, — бесстрастно произнес он. — Из ППШ... Всех... Гильзы рядом... Много гильз...

— Понятно, — сказал Онысько. — Будем прибирать?

— Я сам, — сказал Евгений. — Увезу их в Березичи... Там и похороню. Выдели мне в помощь нескольких человек, и все...

— Да, конечно, — согласился участковый и глянул на стоящих неподалеку людей. — Все, осмотр закончен. Берите и несите.

Никто не сказал в ответ ни слова. Просто из толпы вышли несколько мужчин и женщин. Мужчины отошли на край островка — ломать жерди и мастерить из них носилки. Женщины подошли к покойникам, чтобы, насколько это было возможно, привести тела в надлежащий вид.

И сооружение носилок, и приборка тел не заняли много времени. Вскоре пять тел были уложены на ольховые носилки, мужчины все так же молча подняли эти носилки и гуськом направились с острова по проложенным сквозь топь жердям. Женщины, прибиравшие тела, пошли следом. Последним ушел Евгений Снигур. Уходя, он даже не оглянулся на разоренный хутор. Да и зачем ему было оглядываться? Не было у него больше

никакого хутора, и семьи на нем также больше не было. Ничего не осталось у Евгена Снигура на этой земле...

Какое-то время Павло Онысько, скривившись, смотрел вслед процессии. Затем он тряхнул головой, надел фуражку и стал раздавать команды.

— Вам, — сказал он милиционерам, — осмотреть хутор. Излазить все, залезть в каждую мышиную нору! Может, найдете что-нибудь интересное... А я пойду вот в тот сарайчик и буду вызывать всякого — по одному. Будем беседовать... Ну, кто первый? Дмитро Швайко — может, ты? Тогда — пойдём.

Павло Онысько был милиционером опытным. В Заболотье он был участковым вот уже больше двух лет — с той самой поры, как Красная армия выбила из этих краев немцев. Он знал эти края, он прекрасно знал здешний народ, он сам был уроженцем здешних мест, и потому он почти не надеялся, что хуторяне сообщат ему что-нибудь ценное о ночном происшествии и о самих бандитах. Хоть и знают, а все равно не скажут! Потому что — боятся. Молчание в здешних краях ценилось куда выше золота. Золото — не спасет тебе жизнь, а молчание, может быть, и спасет. Промолчи — и ночная нежить из болот, глядишь, и не завернет на твой хутор. Вот потому хуторяне и будут молчать — упорно, не глядя в глаза Павлу Онысько.

Так оно, собственно, и оказалось. Уж как только Павло Онысько не старался разговорить того же Дмитра Швайко, с каких только сторон к нему не подбирался! И все без толку!

— Да что я могу знать? — пожимал плечами Дмитро Швайко. — Ничего я не знаю... Да я даже огня на хуторе не видел. И выстрелов не слышал. В хате оно ведь и не видно ничего, и не слышно... К тому же спал я, понятно тебе? И все мои домашние тоже спали. И жинка, и дети, и старый дед Нечипор... Оно на то и ночь, чтобы спать. А больше мне и сказать нечего!

Примерно то же самое говорили и другие. Опросив добрый десяток людей, Онысько окончательно убедился, что никто ничего ему не скажет. Он махнул рукой и вышел из сарайчика.

— Спасибо вам, добрые люди! — со злой иронией обратился он к народу. — Вот просто-таки кланяюсь вам низко за вашу помощь! — И участковый шутовски поклонился. — Теперь-то мы обязательно разыщем этих душегубов! Вот прямо-таки к вечеру и разыщем! С такой-то бесценной вашей помощью.

Онысько помолчал, его душила злость и обида на этих безмолвных людей, а кроме того, в нем ворочалось еще и какое-то другое чувство — намного сложнее и непонятнее, чем обида и злость. Может, это была растерянность, может, ощущение беспомощности, может, еще

что-то — совсем уже непонятное и оттого страшное... Черт бы все это побрал — и эти болота, и бандитов в них, и этих упорно молчащих людей! На фронте было куда как проще! Вот ты, там — враг... А тут... Угораздило же его, Павла Онысько, податься в участковые! А с другой-то стороны — у него и выбора-то никакого не было, вот ведь в чем дело! «Куда тебе воевать, с такими-то ранениями? — сказали ему. — Отвоевался ты, парень! Вот — становись участковым, если есть желание. Между прочим, тут тоже война. Может, еще страшнее, чем на фронте...» Вот он и воюет. Да только толку от его войны пока что нет никакого. Никаких побед, одни лишь сожженные хутора и убитые безвинные люди...

— Молчите, значит? — продолжил Онысько, обращаясь к народу. — Что ж, молчите... Это ваше право. А только знайте, что чем дольше и упорнее вы будете молчать, тем больше будет происходить подобное, — он обвел рукой пепелище. — И убитых детей с бабами и стариками — тоже будет больше. В конце концов и до вас они доберутся тоже, эти душегубы. Может, даже следующей же ночью... Даже если все вы по-настоящему онемеете, все равно доберутся. Потому что — убивать того, кто молчит, намного проще, чем того, кто говорит. И пока это до вас не дойдет... А, да ну вас! Мне и говорить-то с вами нео-

хота! Потому что нет от этих разговоров никакого толку!

Онисько зло оскалился и отвернулся. Какое-то время он бездумно смотрел на сиротливую печь, которая только одна и осталась после пожара, а затем опять повернулся к людям.

— Я вот что еще хочу вам сказать, — произнес он. — Я знаю, что среди вас есть такие, которые помогают бандитам. Доносчики. Пока я не знаю, кто именно, хотя кое-какие подозрения у меня все же имеются. Но ничего, дайте срок, и все прояснится! Нет на свете такой тайны, которая навсегда оставалась бы неразгаданной! Но я хочу сказать не об этом. Я хочу сказать вот о чем. Не желаете ничего говорить прилюдно, что ж... Это я понимаю. Но тогда скажите мне тайно. Найдите меня и скажите. Так, мол, и так — знаю я кое-что об этих кровопийцах. Так и скажите. Не все же из вас забились в жабы норы, есть же у кого-то из вас совесть! А уж я — никому... То есть то, что будет сказано, останется между нами: между мной и тем, кто мне сказал. Так что вы подумайте над такими моими словами. А пока ступайте с хутора по своим норам! Все! Без вас тошно...

Люди зашевелились и стали расходиться. По одному, небольшими группками... И скоро на сожженном хуторе никого не осталось. Только участковый Онисько и пять милиционеров.

ГЛАВА 3

— Ну что, нашли что-нибудь? — окликнул Онысько подчиненных.

Услышав его голос, милиционеры по одному стали выбираться из обгоревших развалин — уставшие и перепачканные сажей.

— Да что тут найдешь! — разочарованно махнул рукой один из милиционеров. — Если что и было, то сгорело. Тем более что неизвестно даже, что искать. Какие такие доказательства могли оставить здесь бандиты? Вон они, доказательства! — Милиционер указал на пепелище. — Других и не надо...

— А тогда... — начал было Онысько, но не договорил, потому что со стороны болота вдруг послышался чей-то громкий и, показалось участковому, взволнованный крик.

Павло посмотрел в сторону, откуда раздавался крик: кто-то торопливо двигался по жердяному настилу, то и дело в спешке оступался, махал руками и кричал. Присмотревшись, участковый узнал в шедшем человеке Степана Жука. Степан жил в Березичах и с недавних пор являлся заведующим сельским магазином. Это был первый магазин, открывшийся в селе после ухода немцев. Ассортимент был в нем немудрящий — соль, сахар, крупы, спички, всякие хозяйственные мелочи, кое-какая одежда, — но все же это был самый